

Для цитирования: Миронов А. В.
Ценностный аспект проблемы
социального одиночества
в философском генезисе //
Социум и власть. 2019. № 6 (80). С. 19—27.
DOI: 10.22394/1996-0522-2019-6-19-27.

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-6-19-27

УДК 1:3 + 177.8

ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОДИНОЧЕСТВА В ФИЛОСОФСКОМ ГЕНЕЗИСЕ

Миронов Андрей Владимирович,
Севастопольский государственный университет,
профессор кафедры политологии
и международных отношений,
доктор философских наук, доцент.
Российская Федерация, 299053,
г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
E-mail: andreyvmironov@gmail.com

Аннотация

Введение. В статье рассматривается философский генезис проблемы социального одиночества. Его особенности раскрываются через соотношение ценностных ориентиров и коммуникативного взаимодействия между индивидом и обществом в историческом развитии.

Цель. Целью данного исследования является решение следующих задач: 1) выявить основные причины неучастия гражданина в социальном процессе в различные исторические периоды; 2) определить характер ценностной дезинтеграции в социуме; 3) проанализировать взаимозависимость коммуникационного процесса и ценностных установок, установившихся в общественной системе; 4) установить содержательный контекст социальной дисгармонии в отношениях индивида и государства.

Методы. В статье используются метод историко-сравнительного анализа, системный метод, позволяющие соотнести локальные проявления отчуждения от общественной сферы с концептуальной тенденцией социального одиночества, представленной в философских теориях.

Научная новизна исследования. Представлена новая интерпретация моральной доминанты в процессе обособления человека от общественной реальности в философском генезисе рассмотрения проблемы социального одиночества.

Результаты. Выделяется специфика социального существования гражданина и ее влияние на формирование деструктивной мотивации участия в общественном процессе. Определяются факторы, препятствующие социальной реализации индивида. Анализируется роль моральной детерминации в функционировании общественной системы и ее трансформации в условиях социального конфликта.

Выводы. Общие тенденции подходов к анализу проблемы социального одиночества в философском генезисе раскрываются в следующих положениях: 1) разрыв в смысловой тождественности понимания нормы между социальными партнерами; 2) дисбаланс соотношения интернализма и экстернализма моральных парадигм; 3) отсутствие диалогичности в социальном процессе; 4) определение новых конвенциональных стандартов взаимодействия индивида и социума.

Ключевые понятия:

социальное одиночество,
ценностные ориентиры,
деструкция общественной коммуникации,
гражданское общество,
философский генезис,
социальное обособление.

Введение

Фундаментальной задачей социальной философии является определение и обоснование факторов, способствующих формированию эффективной коммуникации между индивидом и обществом. Социальное единство предполагает общую мировоззренческую парадигму, содержащую ценностные ориентиры реализации гражданского статуса человека. Сопереживание общественно значимых событий, деятельное участие в национальных проектах, бескорыстное служение во благо всех должно способствовать развитию и совершенствованию социального механизма. На протяжении истории активная гражданская позиция воспринималась в качестве предпосылки улучшения нравов, искоренения пороков, возрастания возможностей государственной системы, направленной к всеобщему процветанию, что имплицировало содержательный потенциал социума: разрешение внутренних конфликтов, поддержание атмосферы доверия и согласия между его членами, защиты от негативного влияния. Исследование проблемы социального одиночества представляется актуальным вследствие нарастания противоречий в понимании обществом и индивидом гражданского мира, нарастающей индифферентности к политической сфере, личностного дистанцирования от общезначимых проблем.

Методы и материалы

Целью данного исследования является решение следующих задач: 1) выявить основные причины неучастия гражданина в социальном процессе в различные исторические периоды; 2) определить характер ценностной дезинтеграции в социуме; 3) проанализировать взаимозависимость коммуникационного процесса и ценностных установок общественной системы; 4) сформулировать содержательный контекст социальной дисгармонии в отношениях индивида и государства. В статье используются метод историко-сравнительного анализа, системный метод, позволяющие соотнести локальные проявления отчуждения от общественной сферы с концептуальной тенденцией социального одиночества, представленной в философских теориях.

Результаты

Сознательно выбранная индивидом форма нейтрального отношения к социальной

общности, переходящая в демонстрируемое безразличие, обусловлена принципиальными для личности положениями, которые представлены совокупностью негативного опыта, рациональных выводов, аффектированных ситуаций. Они включают: 1) неприятие существующих в общественной системе стимулов к совместной социальной деятельности, 2) несогласие с предлагаемой социумом иерархией ценностей, 3) отсутствие консенсуса в понимании интересов гражданина и государства, 4) недоверие к политическим институтам. Человек перестает воспринимать себя частью социального целого, так как личные перспективы, цели, надежды на самореализацию не совпадают с основными векторами взаимоотношений в существующей модели коммуникативных связей. Ощущение утраты точек пересечения с коллективными интересами мотивирует человека к выражению гражданской пассивности.

Проявление в социуме гражданских атрибутов индивида зависит от господствующей идеологии, политической реальности, нравственных приоритетов, религиозных настроений, уровня цивилизации. Разрыв между декларируемыми властью ценностными принципами и житейскими установками большинства населения трансформируется в проблему понимания моральных универсалий (долг, справедливость, общезначимая деятельность). Социальный диалог, имеющий смысловую направленность к достижению единства между его участниками (граждане и государство) предполагает логическую непротиворечивость религиозных, моральных, политических компонентов, сведенных в единую общественную парадигму. В случае деформационных процессов, происходящих в социуме, он теряет действенность и значение. Ценностное взаимодействие, реализуемое в условиях общественного партнерства, подменяется формальными положениями, наполненными обезличенными стандартами и нормами, следствием чего становится утрата потребности гражданского участия в социально ориентированной деятельности, а общественная коммуникация лишается стимулов и привлекательности.

Философское знание обращается к анализу обособления человека от социальной среды по событийной фактуре: государственные катаклизмы, общественные потрясения, религиозные переломы, влияние научно-технического прогресса, социальные трансформации. Объяснение данного феномена исходит из конкретных ситуа-

ций, возникающих в социуме. Мыслители античного периода интерпретировали общественное участие через посылку свободы, которая определяла сущность человека и предоставляла ему гражданские права и обязанности. Неразделимость личных и государственных устремлений увязывалась с опасностью внешних вторжений, чему могли способствовать внутренние конфликты, обусловленные разладом социальных связей между согражданами. В учениях Платона и Аристотеля присутствует общее положение, объясняющее причины упадка общественного взаимодействия: соперничество, материальное расслоение, личностные амбиции. «Самые благородные нравы, пожалуй, возникают в таком обществе, где рядом не обитают богатство и бедность. Ведь там не будет места ни наглости, ни несправедливости, ни ревности, ни зависти» [13, с. 148]. В социальном пространстве гражданин сталкивается с проявлениями отрицательных качеств: тщеславием, гипертрофированным эгоизмом, неоправданными амбициями, которые наносят ущерб общим интересам и следствием этого становится сознательный уход из сферы общественной активности в индивидуальную замкнутость. Контроль государства (прежде всего воспитательная и регулирующая функции) и гражданского сообщества над общественной нравственностью должны были нейтрализовать негативные прецеденты, препятствующие восприятию целостности социального организма. Циничная эксплуатация переживаний человека, выражавшаяся в лицемерном использовании эмоциональных порывов граждан, подчиненных корыстными и тщеславными целям политических деятелей, порождала дух отрицания и критического отношения ко всей системе социальных связей (движение киников) [9, с. 257]. Выбор естественности в противопоставлении социальному создавал предпосылки независимого существования от общества в формах маргинальности и эпатажа. В тех случаях (переход от республиканского Рима к правлению императоров), когда происходила смена ценностных установок, вызванная новыми ориентирами правящей элиты: роскошь, культ наслаждений, жажда неограниченной власти, честолюбивое позиционирование, гражданин обособлялся от публичного пространства, как чуждого и враждебного его нравственному существованию. Несовпадение собственных моральных представлений с мнением большинства мотивирует индивида к поиску свободных от общественного влияния форм личност-

ной реализации. Потенциал достигнутой самодостаточности позволял трансформировать потребность человека в социальной коммуникации в общение с самим собой. Учение о мудрости, предложенное стоиками Сенекой, Марком Аврелием, Эпиктетом основывалось на стремлении к внутренней независимости как средстве нравственного выживания в условиях тотального аморализма. Пороки воспринимались ими как результат общественного воздействия на человека, а добродетели как следствие личностного самосовершенствования. Удаление от мира, что тождественно социальному одиночеству, трактовалось римскими мыслителями в качестве условия обретения свободы от общественного мнения, вкусов, настроений, которые вели к искажению подлинной природы человека, не совпадающей с коллективными установками. Мир природы противопоставлялся социальному пространству, являясь приоритетным началом в самосовершенствовании [17, с. 115]. Выбор личностной позиции в отношениях с социумом ставился в зависимость от соответствия индивидуальной ценностной системы общественной. В условиях упадка нравов, что воспринималось как отступление от существовавшей традиции служения народу и государству, гражданин дистанцировался от социума, уходя в сферу личных переживаний и, тем самым, сохранял надежду на самоуважение.

В средние века доминирование религиозного начала определяло контекст общественных связей. Индивид прежде всего являлся частью церковной общины, контролировавшей все духовные переживания. Сопричастность с профессиональной корпорацией, социальным окружением, властными структурами осуществлялась через признание религиозных чувств, которые ассоциировались с личной нравственностью, включавшей круг общественных обязанностей. Христианская мораль сформулировала основной тезис межличностной коммуникации: добродетели порождают согласие, пороки — раздор и отчуждение между людьми. «Пусть почувствует это душа братская, не посторонняя, не душа сынов чужих, чьи уста изрекают ложь, чья десница — десница неправды, а душа брата, который одобряя меня, за меня радуется, а порицая, за меня огорчается, ибо одобряет ли он меня, порицает ли, он меня любит» [1, с. 238]. Обособление от сообщества символизировало иную ценностную ориентацию, что автоматически разрывало коммуникационные связи как в сфере

цеховой солидарности, так и в личном общении. Человек, предоставленный самому себе, утрачивал, по мнению окружающих, моральную опору. Неуверенность в собственной значимости мотивировала к сотрудничеству и взаимопомощи [10, с. 261; 21, с. 24]. Коллективная ответственность побуждала к единству, т. е. вхождению в сословную страту, обеспечивающую материальные и духовные потребности. Допустимыми вариантами удаления из общественной системы становились случаи отшельничества, пустынночества, монашеского затвора, в которых самоизоляция становилась религиозным актом во имя веры и остающихся в миру [6, с. 44]. Самоотречение от земных интересов (включающее социальные контакты) оправдывалось служением Богу и заботой о ближних. Неразрывность церкви и государства в этот исторический период служила платформой установления социальных связей, базировавшихся на моральных принципах, сформулированных христианской доктриной и коллективными формами существования. Они препятствовали потенциальному разрыву с социумом на личностном уровне (исключением являлось участие в еретических движениях, включавших социальную проблематику).

В Новое время меняется ценностная парадигма жизни, определяющая поведенческие стереотипы человека. Права, полученные индивидом в результате экономических, политических и социальных трансформаций, преобразовали его жизнедеятельность и выдвинули новые приоритеты в понимании своего места в обществе, смысла социальных связей и личностной реализации. Граждане воспринимались через критерии успешности, материального благосостояния, официального признания. Конкуренция и состязательность в борьбе за достижение материальных благ предопределяло жесткий конфликт между участниками социального процесса. Гражданин, пребывая в постоянной «войне всех против всех», воспринимал социальную коммуникацию как потенциальный источник опасностей и угроз. Данная ситуация интерпретировалась мыслителями Нового времени как естественная. Обособление от контактов внутри социума формируется в результате рудиментарного страха перед соперниками, и только жесткий контроль государства, располагающего средствами принуждения, был способен объединить сограждан [5, с. 153—154]. Индивидуализм, являвшийся идейной основой буржуазных преобразований, соответствовал эгоистическому началу

в человеке, поэтому обращение к социальному взаимодействию воспринимается в качестве вынужденной меры достижения личного благополучия. В XVIII столетии успехи науки отождествлялись с реформами социального характера, которые смогут изменить модусы коммуникации, придав им оптимизм и согласие в разрешении общественных проблем. Но наряду с верой в прогресс оформляется мировоззренческая позиция с иной ценностной направленностью. Комфорт и благополучие, достигнутые в результате развития науки и техники, искажают сущность человека, лишая его простоты и искренности во взаимоотношениях с согражданами. Формальные стандарты общения, утвердившиеся в обществе, подменяют подлинные чувства. «Нет ни искренней дружбы, ни настоящего уважения, ни полного доверия, и под однообразной и вероломной маской вежливости, под этой хваленной учтивостью, которой мы обязаны просвещению нашего века, скрываются подозрения, опасения, недоверие, холодность, задние мысли, ненависть и предательство» [15, с. 46]. По мнению Ж.-Ж. Руссо, человек устанавливает барьеры к коммуникации, исходя из веры в авторитет общественных правил: частную собственность, сословную секуляризацию, материальное преуспевание, которые формируют ложную систему потребностей. Чувство общности с другими возникает в результате морального взаимодействия, ассоциирующегося с радостью, симпатией, дружелюбием. Пороки отождествляются с использованием человека в корыстных и честолюбивых целях, а добродетели — с взаимным интересом друг к другу участников коммуникации, опирающимся на признание ценности конкретной личности. Социальное пространство, существующее по иным законам, не позволяет реализовать нравственный потенциал человека и в случае несогласия с ценностными установками, индивид вытесняется из этой сферы в личностную плоскость, свободную от общественного прессинга. В этом контексте Руссо можно считать идейным вдохновителем современного дауншифтинга. В трактате Г. Торо «Уолден, или Жизнь в лесу» проводится идея о недоверии к общественным стандартам жизни, которые формируются из ложных предпосылок: стремления к превосходству, честолюбивых амбиций, подражания чужому успеху [18, с. 63]. Отказ от конструирования собственных моделей существования служит причиной несамостоятельности в выборе социальных решений. Путь к себе предполагает

добровольное уединение — государство и общество лишаются возможности оказывать определяющее влияние на индивида. Простота и открытость противопоставляются представлениям об общественном престиже, который является одним из основополагающих критериев оценивания человека. Осознание подлинных потребностей должно служить мотивацией к «симпатии», проявляемой к другому человеку в условиях «дружественной реальности» — сферы, свободной от социальной фальши. Общественная коммуникация, не отвечающая этим параметрам, заменяется на общение с природой (Торо осуществил этот проект на своем личном примере). Самоизоляция от социального мира воспринимается им как благо, в которой концентрируется адекватная реакция на несовершенство общественных отношений.

Идеи иррационализма, получившие широкое распространение в Европе во второй половине XIX в. и утвердившиеся в XX столетии, отвергали разумное истолкование человека и социальных отношений во всех спектрах их реализации. Потребность завоевать благосклонность окружающих порождает внутренний конфликт личности, раскрывающийся в противостоянии эмоциональных порывов и диктуемых социальных приоритетов. «Внутренняя душевная жизнь индивидуума принадлежит ему одному и никакая история, в частности, никакая всемирная история вообще не должна касаться этой области, составляющей на радость или горе его вечную и неотъемлемую собственность [14, с. 236]». Расхождение в понимании социальных требований и личных представлений о самоосуществлении формирует конфликт действительности и идеалов, выраженный в неприятии общепринятых ценностей. Проблемы с установлением коммуникационных отношений стимулируют стремление индивида к интроверсии и социальной индифферентности. Отправной точкой построения концепций взаимодействия гражданина с обществом эпохи модернизма становится человек, наполненный чувством страха перед чуждой ему реальностью, тревогами, неуверенностью в себе и окружающем мире. Когда собственное существование индивида перерастает в затруднение с самоидентификацией в социальном пространстве — это можно интерпретировать, как возникновение непреодолимого «трещины» между «Я» и «Мы». Сторонники укрепления общественной системы боятся демонстративного выражения социального одиночества и пытаются привить человеку

страх перед этим состоянием в формах подозрительности, настороженности к любым формам обособления. «Наша эпоха со своей непрестанной общительностью столь трепещет перед одиночеством, что (какая ирония) прибегает к нему только в отношении преступников» [8, с. 292]. Вынужденная социальная мимикрия лишает человека подлинного общения, исходящего из самостоятельного выбора ценностных ориентиров. Истинная коммуникация устанавливается через феномены, не приемлющие общественных условностей. Таковым у С. Кьеркегора являлась религиозная вера, очищенная от формализованных наслоений. Открытость и искренность перед Богом выдвигаются им как аналогия контактов между людьми в социуме. Отстраненность от общественных контактов, «уход от жизни» могут служить формой поиска точек пересечения с другими, выбор наиболее адекватных способов вхождения в мир других. Эта традиция получает развитие в творчестве Ф. Ницше, для которого страх одиночества служил признаком упадка современной цивилизации. Потеря интереса к своему «Я» оборачивается внутренним вакуумом индивида, который заполняется бессодержательным общением, искусственно культивируемыми сущностями, иллюзией коллективизма. Коммуникация становится средством вытеснения скуки и заменителем подлинной жизни [11, с. 535]. Общезначимый консенсус, выступающий целью общественного взаимодействия, рассматривается как обман, навязываемый социумом.

В XX в. изменяется контекст социальной жизни индивида: улучшение благосостояния, повышение стандартов комфортности жизни, общественные гарантии выживания минимизируют потребности во взаимной поддержке и постоянной помощи. Современный человек представляется обществом как самодостаточная личность, которая должна рассчитывать на свои силы, а современная цивилизация предоставляет ему возможности развития. Распад модели патриархальной семьи, равенство в профессиональных правах мужчин и женщин, свобода в самореализации формирует у индивида чувство независимости от государства и социальной структуры. Динамика экономических, политических, семейных, сексуальных отношений вытесняет уникальность личности, превращая ее в приложение к корпоративной, партийной, социальной общности. Страх тотальной унификации в коммуникативных связях, обусловленный функционированием диктаторских режимов в Европе, определял необходимость

создания барьера между внутренним миром индивида и социальной реальностью. Подлинное человеческое «Я» и социально адаптированное «Я» не совпадают по своим основополагающим параметрам, в силу чего скрытность становится неотъемлемой чертой гражданина и препятствием общественного сотрудничества.

Во французском экзистенциализме тема социального одиночества раскрывается в коммуникативном ракурсе. С точки зрения Ж.-П. Сартра никто и никогда не может разделить с другими ответственность за принятое решение. «Пограничная ситуация» требует концентрации только на собственном восприятии действительности, что порождает ощущение социального вакуума. Одиночество — не самоцель для человека, это возможность избежать порабощения, следствием чего становится явный или латентный конфликт с предлагаемыми обществом формами социализации (мораль, религия, образование, семья). Сообщество, проникнутое духом материального прагматизма, мотивирует личность к агрессивному позиционированию, а равнодушное отношение социума к личности воспринимается индивидом как унижение [16, с. 66]. Исторические катаклизмы XX в. (войны, революции, государственный террор в ряде европейских стран) генерировали чувство индивидуального отчаяния, что стало причиной утраты веры в разумность социальных институтов. Разочарование разрушает перспективы на лучшее будущее. Ж.-П. Сартр не признает обобщений: катастрофа, настигающая личность также глобальна, как и катастрофа государства. Самоустранение из социального пространства может интерпретироваться как акт осуждения всеобщей бессмысленности. Признавая себя «лишним», гражданин обращает внимание окружающих на несправедливость общественного устройства. Абсурдность существования личности в творчестве А. Камю является фактором, определяющим тотальное отрицание всего, что предлагает общество. Нигилистический подтекст действий в такой ситуации оправдывается агрессивностью и враждебностью, направленной против индивида системы подавления, ассоциирующейся с государством. Подчинение и покорность, установившимся стандартам поведения — условие коммуникации, но возникающая диспропорция понимания смыслов существования между личностью и социумом стимулирует бунт, исключающий позитивное взаимодействие. Его деструктивная содержательность обоснована несогласием с происходящим

в общественной жизни, что обесценивает социальные контакты. Исходя из данной посылки, нигилизм представляется самым адекватным способом самоосуществления и в такой же мере способом социально-го обособления от чуждого общества [7, с. 133]. Обособление в рамках нигилистических предпосылок соответствует чувствам разочаровавшегося индивида. Непреодолимость границы между социальной средой и человеком как изначальной данности общественного бытия (выраженной в понятиях абсурда у А. Камю, трансгрессии у М. Фуко) модифицирует бунт в качестве адекватного средства прорыва всеобщего безразличия и способствует признанию социального одиночества как оправданного образа жизни [19; 20].

Философские теории в XX в. обращают внимание на нарушение персональной целостности в процессе взаимодействия индивида с социальной средой. Это связано с отсутствием диалогичности в коммуникативных связях. Диктат в утверждении ценностных установок, переходящий в игнорирование личностных представлений, деформирует индивидуальное сознание, вырабатывая рефлекс сопротивления навязываемым обществом ценностям. «Настроение общности царит не там, где люди вместе, но не в общности вырывают у противящегося этому миру вождьенное изменение устройства, а там, где борьба ведется общностью за действительность своей общности» [4, с. 118]. Видимость диалога субъектов общественного участия приводит к формализованному восприятию идеи коллективности, не нуждающейся в личностном «Я» и лишенной атрибутики «Мы», тем самым оставляя индивида без «со-бытия» с другими. Открытая коммуникация трактуется как угроза обезличивания, связанная с «омассовлением» общества, потерей личностной идентичности в чуждой социальной среде. Попытка самообозначения своего «Я» вступает в конфликт с ролевыми функциями, устоявшейся социальной модели отношений, и индивид лишается права в принятии общезначимых решений. Раскрытие самости становится предпосылкой социального одиночества [12]. Несовпадение с предлагаемыми обществом стандартами трансформируется в новые формы личностного приложения: автономность самореализации, нигилизм, конструирование собственных ценностных установок. Современная постмодернистская философия выдвигает принцип «авторства»: человек в рамках общественного существования не предоставлен

самому себе, не может распоряжаться собой по собственному усмотрению, следовательно, он не реализует своей целостности и не может осуществить полноценную связь с социальной реальностью. Мотивация участия в гражданской деятельности теряется по причине параллельности личного бытия с общественным бытием. Социализация индивида сталкивается с постоянно усложняющейся ценностной иерархией в социуме (требования к демонстрации успешности, лидерские качества, психологическая устойчивость), что усложняет процесс самоидентификации и создает барьеры к адаптации в общности [2; 3]. Критерии самовосприятия в такой ситуации переходят в сферу личностной регламентации. Расхождение в выборе ориентиров, предлагаемых социальной системой, и индивидуальной шкалой оценивания поступков обуславливает утрату привлекательности общественных контактов.

Заключение

Анализ эволюции феномена социального одиночества, представленный в философских концепциях в различные исторические эпохи, позволяет выявить его взаимосвязь с конкретными историческими условиями: трансформацией прежних традиций социального существования, утративших базовые ценности совместной деятельности. Общие тенденции подходов к анализу проблемы социального одиночества через аспект ценностной коммуникации раскрываются в следующих положениях: 1) разрыв в смысловой тождественности понимания нормы между социальными партнерами; 2) дисбаланс соотношения интернализма и экстернализма моральных парадигм; 3) отсутствие диалогичности, связанное с различными позициями сторон относительно роли гражданина в социальном процессе; 4) определение новых конвенциональных стандартов взаимодействия индивида и социума. Несовпадение личных представлений о функциях и роли гражданина в социальном процессе с утвердившимися ценностными доминантами, мотивирует моральный конфликт с обществом, переходящий в поиск альтернативных форм самореализации [23; 24]. Ложь, лицемерие, двусмысленность, проявляемые обществом в оценивании моральных стандартов, которые меняются в зависимости от актуальных целей социальной системы, стимулируют ситуацию обоюдного недоверия между гражданином и социумом. Основными факторами, определяющими возникновение и

развитие феномена социального одиночества, являются: нравственная деградация системы общественных ценностей, политический цинизм, несправедливость, разрыв декларируемого и реального, что формирует ощущение личностью инородности в социальном пространстве. Исследование данного общественного явления в рамках социальной философии требует эффективного использования междисциплинарного подхода, с помощью которого могут быть решены следующие задачи: определение политических последствий в случае разрастания процесса отчуждения человека от общества, поиск возможностей сохранения баланса взаимопонимания между гражданином и общественной системой.

1. Августин А. Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского / пер. с латин. М. Е. Сергеев. М. : Renaissance, 1991. 485 с.

2. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / пер. с фр. Н. В. Сулова. Екатеринбург : У-Факторинг, 2006. 197 с.

3. Бодрийяр Ж. Фантомы современности / пер. с фр. Н. В. Сулова // К. Ясперс, Ж. Бодрийяр. Призрак толпы. М. : Алгоритм, 2008. С. 186—270.

4. Бубер М. Диалог / пер. с нем. М. И. Левиной // М. Бубер. Два образа веры. М. : Республика, 1995. С. 93—125.

5. Гоббс Т. Левиафан / пер. с англ. А. Гутерман // Т. Гоббс. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1965. 445 с.

6. Дорофей Авва. Душеполезные поучения. М. : Лодья, 2000. 288 с.

7. Камю Альбер. Бунтующий человек / пер. с фр. И. Я. Волевич, Ю. М. Денисов, А. М. Руткевич, Ю. Н. Стефанов. М. : Политиздат, 1990. 415 с.

8. Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат. С. А. Исаева. М. : Республика, 1993. 383 с.

9. Лаэртский Д. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. М. : Мысль, 1979. 620 с.

10. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / пер. с фр. П. Ю. Уварова. М. : Прогресс, 1992. 373 с.

11. Ницше Ф. Веселая наука / пер. с нем. К. А. Свасьяна // Ф. Ницше. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1990. С. 491—720.

12. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. А. М. Гелескул // Х. Ортега-и-Гассет. Избранные труды. М. : Весь мир, 1997. С. 43—164.

13. Платон. Законы / ред. пер. с древнегреч. Н. Я. Штейнман-Топштейн // Платон. Сочинения : в 3 т. Т. 3, ч. 2. М. : Мысль, 1972. С. 91—541.

14. Роде Петер П. Серен Киркегор, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни (с приложением фотодокументов и других иллюстраций) / пер. с нем. Н. Ф. Болдырева. Челябинск : Урал LTD, 1998. 430 с.

15. Руссо Ж.-Ж. Прогулки одинокого мечтателя / пер. с фр. Л. Е. Пинской // Ж.-Ж. Руссо. Избранные сочинения : в 3 т. Т. 3. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1961. С. 571—663.

16. Сартр Ж.-П. Герострат / пер. с фр. Д. Гамкрелидзе. М. : Республика, 1992. С. 65—85.

17. Сенека. О благодеяниях / пер. с латин. П. Краснова // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М. : Республика, 1995. С. 14—167.

18. Торо Г. Уолден, или Жизнь в лесу / пер. с англ. З. Е. Александровой. М. : Республика, 2001. С. 57—259.

19. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М. : Ad Marginem, 1999. 416 с.

20. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И. К. Стаф. СПб. : Университетская книга, 1997. 576 с.

21. Хейзинга Й. Осень средневековья / пер. с нем. Д. В. Сильвестрова. М. : Наука, 1988. 541 с.

22. Breakspear C., Hamilton C. Getting a life understanding the downshifting phenomenon in Australia // Discussion paper. 2004. № 62. URL: https://www.tai.org.au/documents/dp_fulltext/DP62.pdf (дата обращения: 20.10.2016).

23. Hamilton C. Downshifting in Britain: A sea-change in the pursuit of happiness. The Australia Institute // Discussion paper. 2003. № 58. URL: <https://www.tai.org.au/file.php?file=DP58.pdf> (дата обращения: 20.10.2016).

References

1. Avgustin A. (1991) *Ispoved' Blazhennogo Avgustina, episkopa Gipponskogo*. Moscow, Renaissance Publ., 485 p. [in Rus].

2. Bodriyyar Zh. (2006) *Paroli. Ot fragmenta k fragmentu*. Ekaterinburg, U-Faktoring Publ., 197 p. [in Rus].

3. Bodriyyar Zh. (2008) *Fantomy sovremenosti* // Yaspers K., Bodriyyar Zh., Prizrak tolpy. Moscow, Algoritm Publ., pp. 186—270 [in Rus].

4. Buber M. (1995) *Dialog* // M. Buber. Dva obraza very. Moscow, Respublika Publ., pp. 93—125. [in Rus].

5. Gobbs T. (1965) *Leviafan* / T. Gobbs. Sochineniya: v 2 t. T. 2. Moscow, Mysl' Publ., 445 p. [in Rus].

6. Dorofey Avva. (2000) *Dushepoleznye poucheniya*. Moscow, Lod'ya Publ., 288 p. [in Rus].

7. Kamyu A. (1990) *Buntuyushchiy chelovek*. Moscow, Politizdat Publ., 415 p. [in Rus].

8. Kirkegor S. (1993) *Strakh i trepet*. Moscow, Respublika Publ., 383 p. [in Rus].

9. Laertskiy D. (1979) *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitkh filozofov*. Moscow, Mysl' Publ., 620 p. [in Rus].

10. Le Goff Zh. (1992) *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada*. Moscow, Progress Publ., 373 p. [in Rus].

11. Nitsshe F. (1990) *Veselaya nauka* // F. Nitsshe. Sochineniya: v 2 t. T. 1. Moscow, Mysl' Publ., pp. 491—720. [in Rus].

12. Ortega-i-Gasset Kh. (1997) *Vosstanie mass* // Kh. Ortega-i-Gasset. Izbrannye trudy. Moscow, Ves' mir Publ., pp. 43—164. [in Rus].

13. Platon (1972) *Zakony* / Platon. Sochineniya: v 3 t. T. 3, p. 2. Moscow, Mysl' Publ., pp. 91—541. [in Rus].

14. Rode Peter P. (1998) *Seren irkegor, sam svidetel'stvuyushchiy o sebe i o svoey zhizni*. Chelyabinsk, Ural LTD Publ., 1998, 430 p. [in Rus].

15. Russo Zh.-Zh. (1961) *Progulki odinokogo mechtatelya* // Zh.-Zh. Russo. Izbrannye sochineniya: v 3 t. T. 3. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1961, pp. 571—663 [in Rus].

16. Sartr Zh.-P. (1992) *Gerostrat*. Moscow, Respublika Publ., pp. 65—85 [in Rus].

17. Seneka. (1995) *O blagodeyaniyakh* // Rimskie stoiki: Seneka, Epiktet, Mark Avreliy. Moscow, Respublika Publ., pp. 14—167 [in Rus].

18. Toro G. (2001) *Topo G. Uolden ili Zhizn' v lesu*. Moscow, Respublika Publ., pp. 57—259. [in Rus].

19. Fuko M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'*. Rozhdenie tyur'my. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999, 416 p. [in Rus].

20. Fuko M. (1997) *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu*. Sankt-Peterburg, Universitetskaya kniga Publ., 576 p. [in Rus].

21. Kheyzinga Y. *Osen' srednevekov'ya*. Moscow, Nauka Publ., 541 p. [in Rus].

22. Breakspear C., Hamilton C. (2004) *Discussion paper*, no. 62. Available at: https://www.tai.org.au/documents/dp_fulltext/DP62.pdf, accessed 20.10.2016 [in Eng].

23. Hamilton C. (2003) *Discussion paper*, no. 58. Available at: <https://www.tai.org.au/file.php?file=DP58.pdf>, accessed 20.10.2016 [in Eng].

For citing: Mironov A.V.
 Axiological aspect of the problem of social
 isolation in the philosophical genesis //
 Socium i vlast'. 2019. № 6 (80). P. 19–27.
 DOI: 10.22394/1996-0522-2019-6-19-27.

DOI: 10.22394/1996-0522-2019-6-19-27.

UDC 1:3 + 177.8

AXIOLOGICAL ASPECT OF THE PROBLEM OF SOCIAL ISOLATION IN THE PHILOSOPHICAL GENESIS

Andrey V. Mironov,

Sevastopol State University, Institute
 of Social Sciences and International Relations,
 Professor of the Department Chair
 of Political Science and International Relations,
 Doctor of Philosophy, Associate Professor.
 Russian Federation, 299053,
 Sevastopol, ul. Universitetskaya, 33.
 E-mail: andreyvmironov@gmail.com

Abstract

Introduction. The article considers the philosophical genesis of the problem of social isolation. The author reveals its features through the correlation of value orientations and communicative interaction between an individual and society in a historical context.

The aim of this study is to solve the following tasks: 1) to identify the key reasons for a citizen's not participating in a social process in different historical periods; 2) to determine the nature of axiological disintegration in society; 3) to analyze the interdependence of the communication process and values established in the social system; 4) to establish meaningful context of social disharmony in an individual and state relations.

Methods. The author uses the method of historical and comparative analysis, a systematic method that makes it possible to correlate local manifestations of social distance in the public sphere with the conceptual tendency of social isolation, presented in philosophical theories.

Scientific novelty of the study. The author presents a new interpretation of the moral dominant in the process of human isolation from social reality in the philosophical genesis of the problem of social isolation.

Results. The author specifies a citizen's social existence and highlights its influence on destructive motivation of participating in social processes. The author determines the factors preventing an individual from social realization; analyzes the role of moral determination in the social system functioning and its transformation in the context of social conflict.

Conclusions. The general trends in analyzing the problem of social isolation in philosophical genesis are revealed in the following ideas: 1) misunderstanding the standards between the social partners due to the gap in the semantic identity; 2) imbalance between internalism and externalism of the moral paradigms; 3) absence of dialogics in the social process; 4) identifying new conventional standards of interaction between an individual and society.

Key concepts:
 social isolation,
 values,
 destruction of public communication,
 civil society,
 philosophical genesis,
 social separation.